

ИЗ ЛЕТОПИСИ СОВЕТСКОГО БОЛЬШОГО ТЕАТРА

Вступительное слово А. В. Луначарского перед концертом в Большом театре 10 февраля 1924 г.

Товарищи и граждане!

...Нас всех, всю страну, а не только одного кого-нибудь, не только одну какую-нибудь партию постигло великое горе, но это горе имеет совсем особый, небывалый характер. Собравшиеся здесь лица, желающие еще раз вспомнить о великом вожде русского и международного пролетариата, вспомнить под звуки музыкальных шедевров, — они должны сознаться, что как ни богат мир музыкой, — нам вряд ли удалось бы подобрать в ней такие произведения, которые выражали бы в действительности чувства, обуревающие нас в эти дни...

Конечно, кто близко знал Владимира Ильича как личность, тот никогда полностью не утешится в том, что перестало жить такое очаровательное существо, в такой полноте отражавшее ту доблестную человеческую породу, которую мы считаем социалистической по преимуществу, и владея которой, Владимир Ильич представил собою образец человека, каким он должен быть при торжестве и после торжества коллективизма. И нельзя, конечно, не сказать, что это глубокое горе — не быть больше в состоянии услышать этот голос, увидеть это полное ума, веселости и лукавства лицо, эти зараженные какой-то нечеловеческой энергией жесты, следить за этой грациозной по своей легкости и титанической по силе и четкости деятельностью ума, восторгаться этим полным отсутствием эгоизма, личничества, эту способность растворить себя целиком в своем великом деле и, не ощущая себя самого, являть вместе с тем каждому такое величие индивидуальности, до какого, вероятно, человек с собою носящийся и о себе помнящий, заслоняющий мир самим собою, — вообще никогда дойти не может. И горем, разумеется, является то, что эта огромная сила прекратила свою социальную работу.

Нас убьют. Мы стали гораздо менее сильны, чем были, когда Владимир Ильич был среди нас, и мы не можем не ощущать этого как горя. И тем не менее, если мы постоянно вновь и вновь повторяем, что нам горевать некогда, что нам горевать не к лицу, и почти готовы сказать, что нам горевать нечего, — то это не только верно, но на этом стал бы с особенной силой настаивать сам Владимир Ильич, если бы он был среди нас, и если бы мы понесли утрату равную той, которую понесли сейчас.

Владимир Ильич верил и знал, и нас тому учил, что даже самая великая личность ограничена в своей роли, что она является выражением определенных общественных сил, и что если связующая кристаллизующая личность отходит, то важно, чтобы те коллективы, которые ее выдвинули... и которые на себе носят печать этого гения, оказались так организованными, чтобы не утратить ничего из тех общественных сил, из того огромного опыта, который под руководством данного лица, но социально, но сообща, но в коллективе — приобретался и вырабатывался.

С точки зрения оценки сил, как таковых, задача жизни заключается не в том, чтобы лить слезы у урны

Материал печатается с сокращениями (документы Центрального государственного архива литературы и искусства).

хотя бы величайшего человека, а в том, чтобы немедленно «воскресить» его путем рациональнейшего, искуснейшего, энергичнейшего использования всего его наследия. На первый план приходят мне не вопросы о мертвом Владимире Ильиче, а о вечно живом, о том, что было в нем вечно живо и что для нас, марксистов, представляет девяносто девять сотых личности, как бы она ни была велика. Память о нем и горе утраты у нас превращается немедленно в новую волну напряженнейшей энергии...

В сегодняшнем концерте вы много и много раз, те из вас в особенности, сердце которых отягощено этой утратой и бьется тем импульсом, который идет от нашего покойного вождя, вы много раз встретите те громадные подъемы, которые заставят вас подумать, что жизнь вечна и что она побеждает те скорбные тона, которые одной части ваших ощущений — печали, которую мы еще не изжили — будут полностью соответствовать; но мне хотелось бы, чтобы живя таким образом вместе с музыкой, вы парили где-то выше даже тех огромных высот, на которые эта музыка может вас вознести, чтобы вы ее ощущали и перетолковывали для себя самих под этим грандиознейшим углом зрения совсем иного бессмертия, о котором теоретически кое-кто и говорил, но в которое мы вступаем только теперь, только в эти годы, потому что если когда возможен был апофиз превращения существа смертного в бессмертное, то именно в эти годы не Владимир Ильич было делом великим, но что он делал его в величественном масштабе.

Великие люди были. Их было много. Они совершали величественно то, что делали, но не было еще человека, который бы делал дело столь плодотворное. Не все, кто меня здесь слушают, это ясно понимают. Мы стоим у зари нового мира. Мы не знаем еще цены годам, в которые переживаем горе и счастье вот этих дней. Мы еще не понимаем, что эти годы, к которым вечно и вечно будут обращаться взоры наших потомков, что отсюда без всякого сомнения будет вестись новое летоисчисление.

Когда Маркс говорил, что вся история человечества является только скудным прологом, серыми сенями к той драме и тому храму, в котором развернется подлинная история человечества, его победоносная борьба с природой, когда она уладит свои внутренние диссонансы, и выступит, как единая братская армия разума — когда он говорил это, он предрекал порог, через который придется потом переступить. Этот порог есть начавшаяся социальная революция. Она могла начаться страшными неудачами, и первые предвестники ее в прошлом XIX веке полны такими неудачами, но они представляют собою маленькие гребни, ничтожные валы по сравнению с тем валом, который накатил в эти годы от 1917 начиная. Мы могли ждать и теперь страшных поражений. Роза Люксембург не даром говорила: через бесчисленные жертвы и многократные поражения, повторяя вновь и вновь свои революции, пролетариат дойдет до победы.

Но совершенно своеобразна комбинация, при которой первая пролетарская революция разразилась в стране, где созрела революция общенациональная, разразилась в такую эпоху, когда буржуазия подсекла свои корни своею мировою войною, создала предпосылку для необычного воссоздания широкого, молниеносно-быстрого, потому что

какие-нибудь 6 лет отделяют нас от Октябрьской революции до признания нас великими державами Европы, мира и истории... Для такого разрешения вопроса была дана почва...

Пролетариат имел гигантское счастье у самой колыбели своей видеть Карла Маркса, великого пророка, прозревшего на основании гигантского научного материала его будущую судьбу, и он имел еще большее счастье в своем отроческом возрасте встретить другого великана — В. И. Ленина, который использовал пророчество Маркса, а его замечательный гений, необычайное чутье, его самоотвержение, не знающее границ, влекущие к нему все сердца и необычайные симпатии, его личные качества, и его широкий авторитет сделали из него самого идеального вождя, лучше которого вообразить себе нельзя...

Образ Владимира Ильича будет становиться все более и более великим для всего человечества... малые дети будут вспоминать с благодарностью его имя... в далеких странах Азии и Африки оно будет греметь, как благодатная легенда... сотни, тысячи и миллионы будут стекаться сюда... Внешним признаком будет почти как бы обожание этой личности, но это будет лишь внешний признак, с эксцессами которого сам Владимир Ильич боролся бы, но хорошо, когда к символическому образу присоединяются события, которые как материал, рисуют такого человека, но не то, что приобретает характер идолопоклонства, которое в полной мере имеет полные возможности развернуться вокруг этого великого явления. Это будет внешним методом почитания. Но что будет громадно и в громадности своей почти ошеломляюще, это тем легче будет понять каждому, кто видел, какая волна по сердцам человеческим прошла от работы и борьбы, Владимира Ильича. Но внутреннее его бессмертие будет заключаться в том, что вся дальнейшая история человечества в ее крупнейшем, в ее важнейшем будет носить на себе печать его гения. От этого история человечества больше никогда не уйдет. Все остальное ничтожно по сравнению с этой задачей, задачей самоорганизации человеческого рода в единую согласную дружную просвещенную силу. И то, что это будет и как это будет осуществляться, на всем этом лежит печать гения Ленина. И если бы случилось такое невообразимое происшествие, что все внешние знаки почитания: и грандиозные памятники, и всевозможные паломничества, и издания Сочинений, — признаки горячей любви, вдруг перестали бы существовать, и самое имя Ленина оказалось бы забытым, — предположите такое «чудо», — это не значило бы, что Ленин умер. Он жил бы тем не менее во всем человечестве, и каждый, кто дышал бы и творил бы, и шел бы вперед в борьбе с природой, на самом деле нес бы в себе искру того гигантского пламени, которое горело здесь, среди нас, и которое осветило пути человечеству в будущее. Следы этой всемирной исторической работы не могут быть стерты, пока живо человечество. И я думаю, что великие музыканты такого грандиозного роста, как те гениальные, музыку которых вы слушаете сегодня, если бы они стояли с полным пониманием перед таким явлением, они сумели бы, давши потрясающее выражение почти мимолетной скорби, изобразить вот это бессмертие в человечестве, бессмертие в шестивини человечества к окончательной победе...

2

СОВЕТСКИЙ АРТИСТ

«Советский артист» 2 февр. 1924.